

ГЛАВА 18

«СВОЙ ХАЙДЕГГЕР»: НИКОЛАЙ АРСЕНЬЕВ И МЕМОРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ПОСТСОВЕТСКОГО КАЛИНИНГРАДА

И. О. Дементьев

Из Кёнигсберга в Калининград

Калининградская область — северная часть бывшей Восточной Пруссии, которая вошла в состав Советского Союза по итогам Второй мировой войны. На протяжении советского периода память о русских в Восточной Пруссии поддерживалась очень слабо, хотя высказанный И. В. Сталиным на конференции в Тегеране тезис об *исконно славянской земле* мог легитимировать изучение довоенной истории края в свете истории национальной. Однако в многочисленных публикациях второй половины 1940-х — первой половины 1980-х гг. упоминались в лучшем случае факты военного присутствия русских в Пруссии (в годы Семилетней, наполеоновских и мировых войн). Тема многочисленной русской эмиграции в межвоенный период была табуированной. Непредвзятое исследование истории Восточной Пруссии в целом было невозможным в силу как идеологических ограничений, так и недоступности источников и литературы.

С началом перестройки ситуация кардинально изменилась. Жители Калининграда (бывшего Кёнигсберга) с энтузиазмом начали открывать заново страницы истории родного города, личности замечательных земляков становились объектами публичного интереса. Среди кёнигсбержцев русского происхождения одной из самых ярких фигур был Николай Сергеевич Арсеньев (1888–1977) — русский мыслитель и профессор местного университета.

Арсеньев действительно имел интересную биографию. Он родился в семье дипломата в Стокгольме, окончил историко-филологический факультет Московского университета в 1910 г., слушал лекции в разных университетах Германии. В первые годы Великой войны молодой филолог трудился уполномоченным Красного Креста. После непродолжительного пребывания на фронте Арсеньев снова оказался в Москве, где его застали революционные потрясения 1917 г. Приняв участие в организации сопротивления красным на Дону, он затем занял профессорскую должность в Саратовском университете, где работал в 1918–1920 гг. После неоднократных арестов и преследований со

стороны новой власти Арсеньев бежал за границу. В Кёнигсберге он — вне всякого сомнения, человек незаурядных способностей и колоссальной эрудиции — стал профессором университета, основанного в 1544 г. прусским герцогом Альбрехтом.

Университет Альбертина просуществовал до осени 1944 г., когда был закрыт в преддверии штурма Кёнигсберга вступившей на территорию Восточной Пруссии Красной армией. Не дожидаясь прибытия бывших соотечественников, Арсеньев снова бежал — на этот раз во Францию, откуда в 1947 г. переехал в США, где и нашел последний приют.

Самым плодотворным для Арсеньева временем стал как раз межвоенный период — в 1920–1930-х гг. он читал лекции по всей Европе (от Литвы и Польши до Великобритании), публиковал монографии и статьи, участвовал в конференциях и съездах, выступал одним из активных деятелей экуменического движения. События его жизни описаны в воспоминаниях, опубликованных в 1974 г.¹

Когда в начале 1990-х гг. калининградцы стали обращаться к довоенной истории своего города, Николай Арсеньев оказался одной из самых компромиссных фигур памяти. Будучи немецким интеллектуалом и «настоящим кёнигсбержцем», но в то же время русским православным мыслителем, Арсеньев вызывал интерес у тех, кто с азартом открывал запрещенное еще недавно прошлое, — и у любителей, и у профессионалов.

Одно из самых ранних упоминаний Арсеньева в краеведческой литературе содержится в очерке, выпущенном к 450-летию Кёнигсбергского университета: «С 1938 г. до последних дней существования Альбертины историю русской культуры и историю православия читал профессор Николай Арсеньев. Он же возглавлял в Кёнигсберге небольшую православную общину».²

Вскоре появились и первые жизнеописания Арсеньева. Пионером биографических исследований стал профессор Калининградского университета А. П. Лысков, опубликовавший сначала ряд статей, а затем краткий биографический очерк, лишенный, к сожалению, научно-справочного аппарата.³ Другим биографом Арсеньева выступила Л. В. Довыденко, которая

¹ Арсеньев Н. С. Дары и встречи жизненного пути. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1974.

² Лавринович К. К. Альбертина: Очерки истории Кёнигсбергского университета: К 450-летию со времени основания. Калининград: Книжное издательство, 1995. С. 346 [На самом деле Арсеньев начал преподавать в 1920 г.]. Достаточно лаконичные характеристики («богослов, историк, писатель») Арсеньев получал в справочных изданиях, вышедших в первые годы нового столетия. См.: Костяшов Ю. В., Кретинин Г. В. Россияне в Восточной Пруссии: в 2 ч. Калининград: Янтарный сказ, 2001. Ч. 1: Биографический словарь. С. 17.

³ Лысков А. П. Николай Сергеевич Арсеньев (Жизненный путь и творческое наследие русского мыслителя) // Историко-философский ежегодник. 2005. С. 287–300; Лысков А. П. Николай Арсеньев: Вдали от родины, но сердцем с ней // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2007. № 3. С. 3–33; Лысков А. П. Николай Сергеевич Арсеньев. Калининград: Янтарная летопись, 2010.

в 2008 г. защитила в Санкт-Петербургском университете кандидатскую диссертацию о философии культуры Арсеньева. Ее книга об Арсеньеве отмечена полным отсутствием критичности в отношении протагониста, однако все же содержит большое количество сведений о жизни и творчестве русского мыслителя.⁴ В 2000-х гг. в региональных и центральных изданиях публиковались различные документы, дополняющие биографию «россиянина в Восточной Пруссии». В 2005 г. в университете прошла посвященная творчеству Арсеньева конференция, по итогам которой был издан сборник научных трудов.⁵

В целом к началу 2010-х гг. его жизненный путь был относительно неплохо изучен, поэтому он с полным основанием обрел статус вполне респектабельного русского *места памяти* в Кёнигсберге. Звучали даже предложения назвать именем соотечественника Калининградский государственный университет⁶ (несмотря на это, в 2005 г. вуз получил имя Иммануила Канта).

Коммеморативная логика требует материальной фиксации памяти, поэтому рано или поздно должна была прозвучать идея увековечить память Н. С. Арсеньева в городе, где он прожил почти четверть века. Эта инициатива с самого начала носила общественный характер. В 2011 г. Л. В. Довыденко предложила установить мемориальную доску на сохранившемся доме № 3 по ул. Чапаева (ранее Регентенштрассе). По действовавшему в то время порядку установка досок осуществлялась органами местного самоуправления по согласованию с общественным органом — Советом по культуре при губернаторе Калининградской области (был учрежден в 2005 г.). Вопрос обсуждался на нескольких заседаниях Совета дольше года, пока наконец текст и дизайн доски не были одобрены 12 декабря 2012 г. После многочисленных правок надпись на доске с портретом была утверждена в следующей редакции: «В этом доме с 1933 по 1944 год жил философ, культуролог и поэт Николай Сергеевич Арсеньев (1888–1977)».⁷

Решение Совета по культуре, утвержденное губернатором Калининградской области, должно было символизировать общественный консенсус

⁴ Довыденко Л. В. Кёнигсберг — русское зарубежье: Николай Сергеевич Арсеньев (1888–1977). Калининград: Калининградская правда, 2008. В этой работе почему-то как в ссылках, так и в библиографии отсутствуют работы А. П. Лыскова.

⁵ Н. С. Арсеньев и русская культура / под ред. С. В. Корнилова. Калининград: РГУ им. Иммануила Канта, 2005.

⁶ Шульгин В. За русский культурный и российский государственный суверенитет! Доклад на Калининградском патриотическом форуме, 17 февраля 2006 г. // Православное информационное агентство «Русская линия». 2006. 10 мар. URL: <https://rusk.ru/st.php?id=104182> (дата обращения: 15.12.2018).

⁷ Звезда С. На улице Чапаева в Калининграде установят мемориал философу Николаю Арсеньеву // Информационно-аналитический портал Калининграда. 2012. 14 дек. URL: <https://kgd.ru/news/item/24385-na-ulice-chapaeva-v-kaliningrade-ustanovyat-memorial-filosofu-nikolayu-arsenevu> (дата обращения: 15.12.2018).

вокруг фигуры знаменитого соотечественника, оказавшегося одновременно земляком для калининградцев. Однако 7 января 2013 г. этот консенсус был неожиданно нарушен, когда пользователь «Живого журнала» под ником *gsm_689*, прочитав в прессе новость о назначенной на февраль 2013 г. церемонии установки мемориальной доски, задался вопросом о том, чем конкретно занимался германский подданный Н. С. Арсеньев в Кёнигсберге в 1941–1944 гг.

У биографов Арсеньева необходимость интерпретировать его благополучную жизнь в Кёнигсберге при нацистах и ранее вызывала некоторый дискомфорт. В мемуарах он довольно подробно описывает обстоятельства своей жизни и карьеры, но умалчивает о *политическом*. Там изредка встречаются стереотипные оценки, сделанные постфактум: «очень тяжелое время Второй мировой войны», «освобожденные от Гитлера западные народы вздохнули свободно».⁸ В одном месте, правда, выражая сочувствие жертвам войны, Арсеньев как будто проговаривается (или рассчитывает на то, что *sapienti sat*):

Мера ужасов казалась преисполненной не только для тех, кто видел разрушение городов и людей, гибнущих в огне или раздавленных обломками, но и для тех, кто видел эти бесконечные вереницы стариков, одиноких старушек, женщин с маленькими детьми... Таковы, например, были караваны немецких беженцев из Силезии... Или бесконечные вереницы русских беженцев, особенно стариков, старушек, маленьких детей, в Западной и в Северо-Западной России. Я видел лица этих людей, застывшее в них страдание и немую безнадежность...⁹

Где конкретно Арсеньев мог видеть лица русских беженцев? Поскольку других подробностей мемуарист не приводит, исследователи были вынуждены освещать его деятельность в период Второй мировой войны на основе других источников. А. П. Лысков занял осторожную позицию, оспорив мнение эмигрантского деятеля Серафима Милорадовича о том, что нацистские власти запретили Арсеньеву вести преподавательскую деятельность.¹⁰ Вплоть до летнего семестра 1944 г., напоминал биограф, Арсеньев вел в университете разные курсы по истории русской культуры. Однако в отношении драматичных 1941–1944 гг. сам собой напрашивался вопрос о том, «что было в то время на душе у православного русского дворянина и профессора Николая Арсеньева?». Ответ А. П. Лысков нашел в следующих словах Арсеньева: «На наших глазах Россия и народы, населяющие Россию, пережили второй 1812 год. Подвиг русских людей в защите своей родины был глубоко национален и героичен».¹¹ Любовь к России, которая причи-

⁸ Арсеньев Н. С. Дары и встречи жизненного пути. 1974. С. 5, 159.

⁹ Там же. С. 159.

¹⁰ Лысков А. П. Николай Сергеевич Арсеньев. С. 146.

¹¹ Там же.

тывается в этих словах, была пронесена Арсеньевым, по мнению биографа, через всю жизнь.

Похожий путь избрала Л. В. Довыденко, сделав акцент на деятельности Арсеньева на ниве поддержки православных. «В Кёнигсберге не было православной церкви, но благодаря усилиям Арсеньева там была зарегистрирована Греко-православная (русская) община... Арсеньев ездил по всей Восточной Пруссии, чтобы собрать православную общину... Место регистрации общины — адрес, по которому проживал Н. С. Арсеньев».¹² Книга Арсеньева «Святая Москва» (1940 г.), подчеркивавшая нравственную красоту русских праведников, стала, по мнению биографа, «своеобразным предупреждением фашизму».¹³

Проблема отношения Арсеньева к нацистскому режиму решалась — за неимением других источников — на основе свидетельства жившего в доме Арсеньевых во время войны А. В. Трубецкого. Русский аристократ и красноармеец, попавший в плен, он был трудоустроен Арсеньевым в университетскую библиотеку в Кёнигсберге.¹⁴ «В доме шли разговоры о войне 1812 года, крепла ненависть к фашизму и любовь к России», — пересказывает его воспоминания биограф.¹⁵ Таким образом, биографы оказались согласны в интерпретации картины жизни Арсеньева во время Второй мировой войны: русский мыслитель был своего рода внутренним диссидентом, который продолжал преподавать в нацистском университете, неся аудитории правду о величии и самобытности русской культуры, а в домашней обстановке, в кругу близких, проводил опасные исторические параллели и втайне рассчитывал на победу России над захватчиками.

Такая интерпретация в целом была выгодна всем сторонам в общественном консенсусе вокруг фигуры Арсеньева. Тем не менее решение об установке доски неизбежно вызвало резонанс. Сомнения *gsm_689* были сформулированы в комментарии под одним из постов И. Петрова (ник *labas*), известного своими публикациями о коллаборационизме: «Лояльность нацистскому режиму надо было всяко выражать. У нас в Калининграде собрались ему мемориальную доску вешать, кабы конфуза не вышло».¹⁶

Ответ не заставил себя долго ждать: И. Петров достаточно быстро совершил неприятное для биографов Арсеньева открытие. Осенью 1941 г. Арсеньев находился не за кафедрой в Кёнигсбергском университете, а в действующих частях вермахта под Ленинградом — в лагере для военнопленных, развернутом в деревне Волосово. Там он служил зондерфюрером, то есть военным

¹² Довыденко Л. В. Кёнигсберг — русское зарубежье. С. 142.

¹³ Там же. С. 145.

¹⁴ Трубецкой А. В. Пути неисповедимы (Воспоминания 1939–1955 гг.). М.: Контур, 1997.

¹⁵ Довыденко Л. В. Кёнигсберг — русское зарубежье. С. 148.

¹⁶ URL: <https://labas.livejournal.com/993730.html?thread=20009666#t20009666> (дата обращения: 15.12.2018).

переводчиком. Миф об Арсеньеве как о скромном православном интеллектуале, проводившем часы в узком семейном кругу за разговорами об обреченности нашествия на Россию, стремительно начал разрушаться.¹⁷

Зондерфюрер Арсеньев

Исследователь перевел на русский язык два документа, хранящихся в Государственном архиве высших органов власти и управления Украины и доступных в оцифрованном виде. Прежде всего это фрагмент отчета Г. Вундера, сотрудника айнзацштаба рейхсляйтера А. Розенберга, о встрече 23 ноября 1941 г. с профессором *Arseniew* из Кёнигсберга, который находился в этот момент в Волосово в статусе зондерфюрера и рассказывал Вундеру о настроениях местного населения.¹⁸ Второй документ из той же коллекции — письмо Арсеньева в айнзацштаб, написанное 17 января 1943 г. уже из Кёнигсберга, где профессор хлопочет о трудоустройстве двух знакомых русских дам, которые очень хотели бы послужить на благо пропаганды германского вермахта.¹⁹ В заключение подборки архивных материалов И. Петров сослался на переиздание в 1942 г. сборника статей «Большевистская наука и «культурная политика»». В сведениях об авторах сборника профессор Nikolaus (Klaus) von Arseniew описывался как преподаватель русского языка и доцент Кёнигсбергского университета, «в настоящее время зондерфюрер вермахта».²⁰ Статья Арсеньева была посвящена судьбе ученых в СССР и, в общем, не содержала каких-либо компрометирующих ее автора данных.

Таким образом, профессор служил зондерфюрером с осени 1941 г. как минимум до весны 1942 г. Свое небольшое исследование И. Петров завершил следующим не лишеным сарказма пассажем:

С одной стороны, я совершенно спокойно отношусь к любым мемориальным документам, с другой стороны, считаю, что проф. Арсеньев ничем особенным себя не замарал: как и многие белоэмигранты, он надеялся на то, что немцы будут вести антибольшевистскую, но прорусскую политику; достаточно быстро выяснилось, что он ошибся.

¹⁷ Петров И. Философу, поэту и зондерфюреру // Живой журнал. 2013. 8 янв. URL: <http://labas.livejournal.com/993905.html> (дата обращения: 15.12.2018).

¹⁸ Wunder G. Bericht über die Fahrt zu den Zarenschlössern im November 1941 // Центральный державний архів вищих органів влади та управління України. Ф. 3676. Оп. 1. Спр. 149. Л. 392–393. URL: <http://tsdavo.gov.ua/static/pdf/61432952.pdf> (дата обращения: 15.12.2018).

¹⁹ Prof. Nikolaus von Arseniew an den Einsatz-Stab des Reichsministers Rosenberg, 1943 // Центральный державний архів вищих органів влади та управління України. Ф. 3676. Оп. 1. Спр. 2а. Л. 10–11. URL: <http://tsdavo.gov.ua/static/pdf/60825854.pdf> (дата обращения: 15.12.2018).

²⁰ Richthofen B. F. Bolschewistische Wissenschaft und «Kulturpolitik». Königsberg: Ost-Europa-Verlag, 1942. S. III.

Единственное, что я считаю неверным: замалчивать определенные эпизоды биографии из политических или идеологических соображений. Поэтому текст на мемориальной доске все-таки стоит дополнить: «В этом доме с 1933 по 1944 год жил философ, культуролог, поэт и зондерфюрер Николай Сергеевич Арсеньев (1888–1977)».²¹

В результате этой публикации по решению губернатора региональное министерство культуры организовало проверку вновь открытых фактов. В конечном счете решение об установке мемориальной доски Н. С. Арсеньеву было отменено. Появились публикации в федеральных массмедиа: газета «Культура», в частности, сообщила, что «в России появился свой Хайдеггер». Обозреватель газеты писал:

...предателей-власовцев и сотрудничавших с гитлеровцами белоэмигрантов...
стоит разделять...

Но пытаюсь понять «другую сторону», мы, конечно же, не имеем права чрезмерно увлекаться... мемориальная доска зондерфюрера Арсеньева на калининградской улице Чапаева будет оскорблением памяти как минимум тех советских солдат, что в начале апреля 1945-го брали Кёнигсберг. Ну а читать или даже издавать в современной России книги философа никто и ничто не мешает. Но непременно с упоминанием этого эпизода его биографии.²²

В другой публикации, также опирающейся на находки И. Петрова в эмигрантской периодике, утверждалось, что Арсеньев «вероятно, примкнул к Русской освободительной армии».²³

Ситуация с отменой коммеморации вызвала некоторый резонанс и в блогосфере (под тремя записями в блоге И. Петрова на эту тему в совокупности насчитывается 435 комментариев), и среди калининградских общественников. Смириться с таким поворотом инициаторы увековечения памяти Арсеньева не смогли. Они сначала пригрозили И. Петрову судом «за унижение чести и достоинства»,²⁴ так что исследователь с присущим ему сарказмом был вынужден отвечать:

Если они считают службу проф. Арсеньева в вермахте чем-то постыдным, то надо приписывать мне эту их точку зрения.

²¹ Петров И. Философу, поэту и зондерфюреру.

²² Тюренков М. Зондерфюрер русской философии // Культура. 2013. 25 янв. URL: <http://portal-kultura.ru/articles/obozrevatel/2654-zonderfyurer-russkoy-filosofii/> (дата обращения: 15.12.2018).

²³ Мартынов А. В. Философы русского зарубежья и Вторая мировая // Новый журнал. 2015. № 281. URL: <http://magazines.russ.ru/nj/2015/281/filosofy-russkogo-zarubezhya-i-vtoraya-mirovaya.html> (дата обращения: 15.12.2018).

²⁴ Петров И. Отвечать в суде за унижение чести и достоинства // Живой журнал. 2013. 15 янв. URL: <http://labas.livejournal.com/994997.html> (дата обращения: 15.12.2018).

Если они считают службу проф. Арсеньева в вермахте нормальным эпизодом его биографии, то непонятно, почему мне предъявляются претензии в том, что я этот эпизод осветил.

Наконец, если они считают службу проф. Арсеньева в вермахте нормальным эпизодом его биографии, но опасаются, что общественное мнение в России пока настроено не вполне комплиментарно по отношению к вермахту, то, опять-таки, надо заниматься не обвинениями в мой адрес, а коррекцией общественного мнения. Надо проводить выставки, лекции «Вермахт — носитель европейской культуры», «Германский генштаб как гнездо славянофилов» ...²⁵

Впоследствии сторонники увековечения памяти Арсеньева выступили со своими версиями его зондерфюрерства. Л. В. Довыденко вместе с С. П. Заикиным осуществила переиздание мемуаров Арсеньева, где процитировала те же документы, попытавшись представить службу Арсеньева в вермахте как деятельность по спасению русских библиотек.²⁶ В этой и дальнейших публикациях она сформулировала контраргументы в духе знаменитого анекдота о дырявой кастрюле: во-первых, неизвестно, идет ли речь в документах о том же самом Арсеньеве; во-вторых, можно понять Арсеньева-переводчика, который планировал создать русское национальное правительство на оккупированной территории.²⁷

Другой калининградский общественный деятель и протоиерей Г. О. Бирюков привлек внимание к тому, что ранее память Арсеньева нельзя было увековечить по идеологическим причинам, но и теперь православному мыслителю «не везет».²⁸ Также предположив, что зондерфюрером служил какой-то другой Арсеньев, публицист далее заметил, что «слово “зондерфюрер” само по себе ничего страшного не обозначает», как не пугает и сама по себе служба в вермахте, потому что среди тех, кто служил, были и православные мученики, например Александр Шморель (1917–1943). Данный аргумент позволял предположить возможность участия Арсеньева в подпольном Сопротивлении, но доказательств этому найти пока никому не удалось.

²⁵ Петров И. Замечание по ведению // Живой журнал. 2013. 17 янв. URL: <https://labas.livejournal.com/995547.html> (дата обращения: 15.12.2018).

²⁶ Довыденко Л. В. Н. С. Арсеньев: «Служение тому, что не проходит» // Арсеньев Н. С. Дары и встречи жизненного пути. СПб.: Вестник, 2013. С. 320–321. Курьезные ошибки в переводах документов, выполненных публикатором, были отмечены позже. См.: Петров И. Из Савла в Павла, или О переводческих экзерсисах Лидии Довыденко / Живой журнал. 2013. 18 июня. URL: <https://labas.livejournal.com/1024406.html> (дата обращения: 15.12.2018).

²⁷ Историко-методологический семинар «Русская мысль», РХГА, 17 мая 2013 г.: Стенограмма. URL: <http://rhga.ru/science/conferences/rusm/stenogramms/filosofiya-kultury-n-s-arseneva.php> (дата обращения: 15.12.2018).

²⁸ Бирюков Г. О. Об увековечении памяти Николая Арсеньева в Калининграде // Православное информационное агентство «Русская линия». 2014. 3 июня. URL: <https://rusk.ru/sf.php?idar=66309> (дата обращения: 15.12.2018).

Действия зондерфюрера под Ленинградом трактовались следующим образом: «русский эмигрант проник на эту территорию под видом переводчика Вермахта и работал в направлении возрождения православной веры и русского самосознания у местного населения».²⁹ Наконец, Арсеньева извиняет то, что в 1941 г. он попросту не был осведомлен о масштабе преступлений нацистов.

Таким образом, «адвокаты» Арсеньева настаивали на том, что обусловленное антибольшевизмом сотрудничество последнего с нацистским режимом следует и понять, и простить. Г. О. Бирюков также своеобразно объяснил молчание Арсеньева-мемуариста о службе в вермахте: «Арсеньев вообще мало писал о себе».³⁰ Пытаясь разгадать, в чем причина этого молчания, Г. О. Бирюков обратился к биографии писателя Евгения Андреевича Гагарина (1905–1948), женатого на сестре Арсеньева и проживавшего некоторое время в том же доме на Регентенштрассе.

Гагарин опубликовал в 1952 г. в журнале «Грани» роман «Возвращение корнета», который в 1953 г. вышел отдельным изданием с предисловием Арсеньева. В центре повествования — судьба и размышления корнета, который в ранге зондерфюрера оказался с частями вермахта на оккупированной российской земле. Г. О. Бирюков трактует «молчание Арсеньева» так:

... автору предисловия было бы нескромно акцентировать тот факт, что роман основан на его, Арсеньева, опыте поиска России, что это он, Арсеньев, стал одним из прототипов главного героя романа.³¹

Конечно, вполне вероятно, что роман в какой-то мере отражает переживания Арсеньева, который мог постфактум делиться своим жизненным опытом с молодым литератором. В скромность мемуариста, однако, верится с трудом, если учесть, что в «Дарах и встречах ...» приводится очень много малозначительных фактов, касавшихся биографии автора: он, к примеру, подробно описывает расписание своих занятий и каникул в Кёнигсберге и Варшаве, время в пути между двумя городами, маршруты поездок к друзьям и родным и т. п.³² Умолчать при этом о пребывании в России — это едва ли обычная скромность человека, обнаружившего, что он стал прототипом литературного героя.

Что же, однако, читатель найдет в романе? Нарисован образ корнета Подберезкина — типичного интеллигента с мятущейся душой: узнав поближе красноармейцев, он поразился тому, что они были русскими и любили Россию, но проявляли равнодушие к прошлому Российской империи. Помимо

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Арсеньев Н. С. Дары и встречи жизненного пути. 1974. С. 190.

допросов, зондерфюрер занимался пропагандой: каждый вечер, «кляня себя и свою участь... передавал немецкие прокламации», которые «содержали одну ругань против евреев, масонов и плутократов».³³ Оказавшись «в Балтийском крае», Подберезкин вновь был одолеваем сомнениями, пока не встретил «взвод молодых солдат... ну, конечно — Российская Освободительная Армия... И как они пели!... утраченное радостное ощущение жизни и мира, как блага, что он всегда испытывал раньше, вдруг охватило его». Командир взвода говорит Подберезкину: «Немцам я служить не стал бы, а это... — свои, наши, русская армия».³⁴

«Возвращение корнета» — это действительно очень интересный роман, живописующий нравственные терзания зондерфюрера Подберезкина и, вне всякого сомнения, отражающий какие-то эпизоды реальной биографии его прототипа. Вместе с тем буквально воспринимать это как исповедь Арсеньева, которой так недостает в его «Дарах и встречах», пожалуй, нельзя: это все же художественное произведение, в котором трудно отделить вымысел от реальных фактов. Весьма вероятно, что «ругань против евреев» и симпатии к РОА были частью биографии зондерфюрера, но столь же вероятно, что какие-то неприятные эпизоды могли остаться за кадром.

Ренессанс общественного интереса к фигуре Арсеньева актуализирует вопрос о том, как его воспринимали в СССР и в эмигрантской среде. В Советском Союзе пристально следили за идеологической работой в Германии, и, конечно, участие русских эмигрантов в этой работе не могло не привлекать внимания «компетентных органов». Некоторую двусмысленность расстановка сил приобрела в недолгий период сотрудничества СССР и Германии в 1939–1941 гг. Советский генеральный консул в Кёнигсберге Е. Д. Киселев информировал в феврале 1941 г. Всесоюзное общество культурных связей с заграницей о программе публичных лекций, которые читались в Кёнигсбергском университете. Программу лекций открывало 21 января 1941 г. выступление Н. С. Арсеньева по теме «Русская духовная культура».³⁵ Его под более точным названием «Русская духовная культура XIX века» упоминал советский историк П. А. Жилин: «Такая “просветительная” работа нацистов являлась составной частью идеологической подготовки армии и населения к нападению на СССР, проводившейся длительное время и в огромных масштабах».³⁶

³³ Гагарин Е. Возвращение корнета. М.: Содружество «Посев», 2012. С. 145.

³⁴ Там же. С. 208–209.

³⁵ Костяшов Ю. В. Советский генеральный консул в Кёнигсберге Е. Д. Киселев // Калининградские архивы: Материалы и исследования. Калининград: БФУ им. Иммануила Канта, 2014. Вып. 11. С. 61.

³⁶ Жилин П. А. Как фашистская Германия готовила нападение на Советский Союз (Расчеты и просчеты). М.: Мысль, 1965. С. 101–102.

Однако советские авторы, похоже, не были осведомлены о зондерфюрерстве Арсеньева. Другое дело — эмигрантская среда. В недавней публикации В. Янцен проливает свет на отношение к Арсеньеву ряда деятелей русской эмиграции:

Вспоминая о раннем евразийском движении в письме к Ю. П. Иваску от 8 апреля 1965 года, о. Георгий Флоровский тоже весьма иронично писал о «вездесущем Николае Арсеньеве».

Возможно, послевоенное критическое отношение старых русских эмигрантов к Арсеньеву было связано с тем, что во времена господства в Германии нацизма эта вездесущность привела его и к сотрудничеству с национал-социалистами.³⁷

Янцен показывает, что многим — и во время войны, и после нее — казалось, что Арсеньев устроился лучше других. Ф. А. Степун в письме к А. Л. Бему 3 июня 1943 г. сетовал, что его не приглашают в Прагу: «Арсеньев — дело совсем другое: он на действительной службе, а я в отставке. Он был Sonderführer'ом, а я им не мог бы быть».³⁸ Д. И. Чижевский сокрушался в письме к С. И. Гессену 27 августа 1948 г., что ему под формальным предлогом никак не выдают американскую визу: «...возможно, я “слишком” левый, — поскольку восхвалитель “радостной весны немецкого народа” Н. Арсеньев уже давно находится в США, как и другие, еще более странные фигуры».³⁹ Не был секретом этот сюжет и для другого крупного русского философа С. Л. Франка. В июне 1946 г., обсуждая в письме В. Б. Ельяшевичу деликатный вопрос о сотрудничестве русских эмигрантов с нацистами, он характеризует Арсеньева словами «рыльце сильно в пушку».⁴⁰

Таким образом, советские власти были осведомлены об участии Арсеньева в идеологической подготовке войны Германии против СССР, а многим эмигрантам хорошо были известны и статус зондерфюрера, и нацистские симпатии Арсеньева.

Между тем вопрос о личном отношении Арсеньева к этому эпизоду в его биографии по-прежнему требует дальнейших поисков в архивах Германии и России.

³⁷ Янцен В. Что связывало Д. И. Чижевского с Кёнигсбергом? // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник, 2016–2017. М.: Модест Колеров, 2017. С. 936–937.

³⁸ «Я, случайный сотрудник “Современных записок” ...»: А. Л. Бем // «Современные записки» (Париж, 1920–1940): Из архива редакции / под ред. О. Коростелева, М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 2. С. 246.

³⁹ Цит. по: Янцен В. Что связывало Д. И. Чижевского с Кёнигсбергом? С. 938.

⁴⁰ Переписка С. Л. Франка с В. Б. Ельяшевичем и Ф. О. Ельяшевич (1922–1950) // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник, 2015. М.: Модест Колеров, 2016. С. 198.

В фокусе противоречий мемориальной культуры

В постсоветском Калининграде, пережившем краткий период эйфории по поводу переоткрытия прошлого, появились разные фигуры мемориального умолчания среди кёнигсбержцев. У одной группы — известных интеллектуалов, дискредитированных сотрудничеством с национал-социалистическим режимом, — сегодня нет адвокатов, так что эти деятели никак не отмечены в городском ландшафте памяти. К этому кругу принадлежат даже всемирно известные ученые, как, например, нобелевский лауреат и бывший профессор Кёнигсбергского университета Конрад Лоренц (1903–1989). В Кафедральном соборе Калининграда (памятник XIV в., восстановленном из руин в 1990-х гг.) есть мемориальная доска знаменитым профессорам Кёнигсбергского университета, но там нет имени основателя этологии. Там нет также имени преподававшего в Альбертине и ставшего после войны влиятельным западногерманским историком, соратником Р. Козеллека Вернера Конце (1910–1986), который в 1990-х гг. был подвергнут сокрушительной критике в Германии как один из тех, кто обеспечивал академическое сопровождение нацистской расистской политики в Восточной Европе.⁴¹ Среди фигур умолчания — профессор Альбертины еврейского происхождения Ханс Ротфельс (1891–1976), пострадавший от нацистов и вынужденный эмигрировать в Великобританию и США. Ротфельс также стал в 2000-х гг. объектом разоблачений, будучи заподозрен в симпатиях к раннему нацизму.⁴² Даже архивист Курт Форстройтер (1897–1979), который не состоял в НСДАП и в послевоенный период пользовался репутацией респектабельного ученого, недавно был разоблачен как соучастник преступлений национал-социалистов, прямо ответственный за разграбление архивов в Восточной Европе.⁴³

Во всех этих случаях публичная коммеморация скомпрометированных тем или иным соучастием — прежде всего в моральном, не юридическом смысле — в нацистских преступлениях лиц невозможна также в силу отсут-

⁴¹ См. об этом: Хряков А. Историки при национал-социализме: Жертвы, попутчики или преступники? (К оценке современных дебатов в немецкой исторической науке) // Новое литературное обозрение. 2005. № 74. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/74/hria5.html> (дата обращения: 15.12.2018); *Etzemüller T. Sozialgeschichte als politische Geschichte: Werner Conze und die Neuorientierung der westdeutschen Geschichtswissenschaft nach 1945.* München: R. Oldenbourg, 2001; *Dunkhase J. E. Werner Conze: Ein deutscher Historiker im 20. Jahrhundert.* Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2010.

⁴² *Haar I. Historiker im Nationalsozialismus: Deutsche Geschichtswissenschaft und der "Volkstumskampf" im Osten.* Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2002; *Eckel J. Hans Rothfels: Eine intellektuelle Biographie im 20. Jahrhundert.* Göttingen: Wallstein, 2005.

⁴³ *Hess C. The absent Jews: Kurt Forstreuter and the historiography of medieval Prussia.* N. Y.: Berghahn, 2017.

ствия групп, заинтересованных в поддержании памяти о них, то есть мнемонических акторов.⁴⁴

Акторов недостает, разумеется, и в тех случаях, когда интеллектуалы, вносящие вклад в русско-немецкий диалог, не были причастны к нацистским преступлениям. Яркий пример такой мемориальной лакуны представляет собой немецкий филолог Карл Генрих Майер (1890–1945), трудившийся с 1935 г. профессором Альбертины. Майер был крупным ученым, которому во многом обязана своим оживлением славистика в Кёнигсбергском университете. В 1941–1944 гг. он читал курсы о русском романе, Достоевском и Толстом. По всей видимости, интерес Майера к русской культуре (как и к другим славянским культурам) был искренним и многолетним (его работа 1920 г. — перевод «Хожения за три моря» Афанасия Никитина, критически, правда, воспринятый М. Фасмером). В отличие от Арсеньева, Майер оставался в Кёнигсберге в момент прихода Красной армии. Можно допустить, что он с некоторой наивностью полагал, будто знание русского языка окажется ему полезным. Судьба Майера была трагичной: по доносу кого-то из немцев его заключили в лагерь на побережье, выпустили в мае 1945 г., и после этого он умер при неизвестных обстоятельствах на пути в Кёнигсберг (где позднее, вероятно, скончались также его вдова и дочь).⁴⁵

Кёнигсбергский университет стал также местом защиты первой диссертации о разнообразных связях Р. М. Рильке и русской культуры — «Русские путешествия Рильке» (1934).⁴⁶ Ее автором была Софи Брутцер (1905–1945), уроженка Риги, изучавшая славистику и германистику в разных немецких университетах, в том числе в Кёнигсберге. Ей удалось поработать с семейным архивом Рильке. В частности, она обнаружила и впервые опубликовала в своей диссертации стихи, написанные австрийским поэтом по-русски.⁴⁷ Несмотря на успех диссертации, сделать академическую карьеру в условиях нацистской Германии женщине-филологу, по всей видимости, было слишком трудно: в результате Брутцер нашла рабочее место в библиотеке. В некоторых публикациях утверждается, что она была застрелена советскими солдатами весной 1945 г. в Данциге,⁴⁸ но надежных сведений об обстоятельствах ее

⁴⁴ См. о «мнемонических акторах»: Bernhard M., Kubik J. A theory of the politics of memory // Twenty years after communism: The politics of memory and commemoration / ed. by M. Bernhard, J. Kubik. N. Y.: Oxford University Press, 2014. P. 29.

⁴⁵ О Г. К. Майере см.: Schaller H. W. Geschichte der Slawischen und Baltischen Philologie an der Universität Königsberg. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2009. S. 156–161, 172–174; Лефельдт В. Карл Генрих Майер — последний славист Альбертины // Slověne. 2012. № 1. С. 92–99.

⁴⁶ Brutzer S. Rilkes russische Reisen. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1969.

⁴⁷ См. об этом: Азадовский К. М. Рильке и Россия. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 73–75.

⁴⁸ См.: Брутцер, Софи // Википедия: Свободная энциклопедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Брутцер,_Софи (дата обращения: 15.12.2018). В статье приведены ссылки на интернет-ресурсы.

смерти нет. Память Софи Брутцер тоже никак не увековечена ни в Калининграде, ни где-либо еще.

На фоне счастливой, со всеми оговорками, судьбы Арсеньева Майер и Брутцер предстают особенно впечатляющими символами трагедии русско-немецких отношений в XX столетии. Они, наверное, не в меньшей степени, чем Арсеньев, заслуживали бы мемориальных досок, но пока эта инициатива не нашла достаточно влиятельных сторонников.

Несколько благосклоннее фортуна оказалась к некоторым литераторам нацистского времени — они и пережили войну, и вызвали интерес у калининградцев в постсоветский период. К числу известных писателей принадлежала Агнес Мигель (1879–1964), на сохранившемся доме которой в Калининграде в 1992 г. усилиями областного отделения Российского фонда культуры была установлена мемориальная доска. Интерес к творчеству А. Мигель поддерживали местные литераторы, переводившие ее стихи на русский язык. Двусмысленность этой ситуации удивляла тех, кто не был готов простить поэтессе ее политические взгляды: состоявшая в НСДАП Агнес Мигель была активной сторонницей нацистского режима, что отразилось в ее творчестве. Британский историк и писатель Макс Эгремонт пересказывает в книге о Калининграде разговор с одним калининградским интеллектуалом о коммеморации Мигель: «Разве не имеет значения, — спросил я, — что она написала поэму во славу Гитлера?» Профессор сказал, что некоторые хорошие поэты прославляли Сталина». ⁴⁹ В 2015 г. мемориальная доска была демонтирована властями по настоянию различных общественных групп, включая организации ветеранов Великой Отечественной войны. ⁵⁰

Оживление антинацистской риторики коснулось и другого восточно-прусского писателя — Иоганнеса Бобровского (1917–1965), уроженца Тильзита (ныне Советск). Служивший в вермахте и оказавшийся в советском плену, он после возвращения из плена стал гражданином ГДР, переводы его сочинений выходили в Советском Союзе. Весной 2017 г. в городском музее Советска была открыта выставка к 100-летию писателя. На одном из стендов были размещены фотографии писателя в форме военнослужащего вермахта, что вызвало общественный резонанс, последствием которого стали действия местной администрации, сначала попытавшейся ликвидировать музей как юридическое лицо, а затем уволившей директора. ⁵¹

Общее между этими случаями то, что коммеморативные практики, типичные для 1990-х гг., стали подвергаться критике в ситуации после 2014 г.,

⁴⁹ Egremont M. *Forgotten land: Journeys among the ghosts of East Prussia*. L.: Picador, 2012.

⁵⁰ В Калининградской области демонтировали две мемориальные доски немецкой поэтессе, поддерживавшей Гитлера // Клопс.ру. 2015. 24 дек. URL: <https://klops.ru/news/obschestvo/123190-v-kaliningradskoy-oblasti-demontirovali-dve-memorialnye-doski-nemetskoj-poetesse-podderzhivavshej-gitlera> (дата обращения: 15.12.2018).

⁵¹ Тамга В. Музейный шум // Тильзит-Инфо. 2018. 25 июня. URL: <http://tilzit.info/news/obshchestvo/muzejniy-shum/> (дата обращения: 15.12.2018).

когда в Уголовном кодексе РФ появилась статья об ответственности за реабилитацию нацизма. Наряду с другими факторами, обуславливающими перманентную актуализацию дебатов о Великой Отечественной войне, эта нормотворческая новация привела к изменению правовых условий для успеха тех «мнемонических акторов», которые сделали ставку на антинацистскую и, шире, вообще антинемецкую риторику. Характерно также, что в случае с А. Мигель, декоммеморация, которая наблюдается в Калининграде, совпадает с более общим трендом, охватившим в 2010-е гг. западные земли ФРГ, где имя А. Мигель также исчезает из названий улиц и школ по настоянию разных групп общественности и местных представительных собраний.

Не менее любопытны коммеморативные практики, касающиеся знаменитых евреев в истории города. В Кёнигсберге в первой трети XX в. была небольшая, но влиятельная еврейская община. В ноябре 1938 г. Кёнигсбергская синагога была разгромлена нацистами, община прекратила существование. В постсоветском Калининграде еврейская общинная жизнь возобновилась, а в ноябре 2018 г. была торжественно открыта восстановленная синагога на том же месте, где она была сожжена 80 годами ранее. Новая еврейская община поддерживает преемственность в отношении довоенной общины, поэтому ее коммеморативные практики предполагают увековечение памяти многих евреев, включая, конечно, жертв нацистского террора. Однако и в этой сфере возможны мемориальные войны, как показал небольшой, но симптоматичный скандал вокруг музейной экспозиции вновь открытой синагоги.

Среди известных евреев-калининградцев, чья память отмечена в экспозиции, одна фигура привлекла внимание некоторых пользователей интернета. Меер Вейсман (1898–1971) — неоднократно отмеченный наградами ветеран Великой Отечественной войны, а также деятель послевоенного восстановления Калининградской области, был также награжден орденом Красного Знамени за участие в подавлении Тамбовского восстания 1920–1921 гг. Этот факт, указанный на стенде, вызвал неоднозначную реакцию в разных кругах, включая Федерацию еврейских общин.⁵² Некоторые участники дискуссии потребовали убрать имя участника расправ над русскими крестьянами из экспозиции.

Казус М. А. Вейсмана *par excellence* характерен для постсоветской ситуации, в которой трудно найти консенсус между разными «мнемоническими воинами» (*mnemonic warriors*), которые претендуют на монопольную интерпретацию прошлого.⁵³ Андреас Лангеноль, анализируя политику памяти в поставторитарных обществах, подчеркивает, что сегодня «больше нет неоспоримых репрезентаций коллективного (особенно национального)

⁵² Инсарова А. Вокруг синагоги в Калининграде произошел скандал из-за участника подавления Антоновского мятежа // Взгляд. 2018. 9 нояб. URL: <https://vz.ru/news/2018/11/9/949886.html> (дата обращения: 15.12.2018).

⁵³ Термин М. Бернхарда и Я. Кубика. См.: Bernhard M., Kubik J. A theory of the politics of memory. P. 15–22.

прошлое. Любая частная репрезентация прошлого может быть поставлена под сомнение на том основании, что исключает некоторые группы».⁵⁴ Боевые и трудовые свершения разных людей в советский период уже не подлежат однозначной оценке, потому что для отдельных «мнемонических воинов» те или иные аспекты биографий этих людей могут вызывать протест против их публичной коммеморации. «Мнемонический воин» очень часто позиционирует себя как лицо, действующее от имени групп, ранее лишенных права голоса: репрессированных восточнопрусских евреев или русских крестьян (аналогичным образом, кстати, строилась дискурсивная стратегия землячеств — союзов депортированных в ФРГ жителей Восточной Пруссии). Проблема заключается в неоднородности и неоднозначности жизненного опыта людей, которые в различных ситуациях могли действовать в интересах разных субъектов (как, например, Вернер Конце, который на разных этапах участвовал в идеологическом сопровождении нацистской политики, служил в вермахте и формировал основы новаторских течений в западногерманской историографии) или даже одного и того же субъекта, который реализовывал разную политику по отношению к разным группам (как М. Вейсман, служивший советской власти в годы как Гражданской, так и Великой Отечественной войны). Эти затруднения, как замечено выше, присущи не только конкретному российскому региону или постсоветской России в целом, но типичны для поставторитарных обществ, в которых культура публичного диалога рахитична или вообще не развита.

Заключение: Урок Арсеньева

Казус Арсеньева несколько усложняет картину, рассмотренную на многих других примерах. На первый взгляд, он вписывается в обычную диалектику сопротивления и коллаборационизма, с помощью которой нередко описываются противоречия в политике памяти обществ, получивших опыт соприкосновения с нацизмом (несостоятельность такого упрощения изучена на примере французских дискурсов памяти Р. Дж. Голсаном⁵⁵). В то же время Арсеньев нельзя назвать типичным коллаборационистом. Насколько уместны сравнения его, скажем, с А. А. Власовым? Различий слишком много. Арсеньев был последовательным противником советской власти, от которой страдал в первые послереволюционные годы; нет оснований считать, что он участвовал в боевых действиях с оружием в руках или был прямо причастен к каким-либо военным преступлениям; с юридической точки зрения он не

⁵⁴ Langenohl A. Memory in post-authoritarian societies // Cultural memory studies: An international and interdisciplinary handbook / ed. by A. Erll, A. Nünning. Berlin: de Gruyter, 2008. P. 171.

⁵⁵ Golsan R. J. The legacy of World War II in France: Mapping the discourses of memory // The politics of memory in postwar Europe / ed. by R. N. Lebow, W. Kansteiner, C. Fogu. Durham: Duke University Press, 2006. P. 73–101.

понес никакой ответственности за сотрудничество с национал-социалистическим режимом (трудно пока судить о том, насколько детально была проверена его биография во Франции и в США, но американского гражданства он добился, похоже, без особых проблем).

В свете этих обстоятельств Арсеньев предстает фигурой более сложной, чтобы описывать его как коллаборациониста в прямом смысле слова. По всей видимости, он был обычным конформистом, использовавшим в условиях Третьего рейха различные стратегии выживания. В частности, добываясь немецкого гражданства в 1933 г., он параллельно просил германские власти разрешить ему писать свое имя как Клаус фон Арсеньев (Klaus von Arseniew) в силу принадлежности к немецко-курляндскому дворянству, что подтверждалось документами и рекомендательными письмами восточно-прусских аристократов — кузенов его отца.⁵⁶ Это разрешение было получено, хотя потребовало от просителя исключительной выносливости в ходе переписки с разными инстанциями. Позднее в автобиографии Арсеньев писал, что всем сердцем чувствует себя немцем (“ich mich vom ganzen Herzen als Deutscher fühle”).⁵⁷ Университетское руководство по достоинству оценило его вклад в дело национал-социализма. В 1937 г. в представлении философского факультета Альбертины о назначении Арсеньева экстраординарным профессором констатировалось, что «основная цель его действий после 1917 года — борьба против большевизма... Из этого следует, что фон Арсеньев с самого начала чувствует себя глубочайшим образом связанным с национал-социализмом...»⁵⁸

Дополнительную сложность казусу Арсеньева придает то обстоятельство, что культура памяти в постсоветском Калининграде оказывается крайне любопытным случаем «двойной поставторитарности». Немецкий город, ставший после Второй мировой войны советским, пережил два авторитарных режима (оставим в стороне дискуссию о границах между авторитаризмом и тоталитаризмом). Советизация представляла собой одновременно преодоление предшествующего и утверждение нового авторитаризма. Исследователи ранее обращали внимание на то, что некоторые черты городского ландшафта, сформированного при нацистах, оказались востребованы сталинизмом. Смена оптики в историографии позволяет вместо констатации дисконтинуитета описывать преемственность между режимами.⁵⁹

⁵⁶ Bundesarchiv Berlin. R 1501/127622. Bl. 190. Документы из личного дела Арсеньева, хранящегося в Федеральном архиве ФРГ, готовятся в настоящее время к публикации в переводе Я. Г. Шепеля.

⁵⁷ Bundesarchiv Berlin. R 4901/24137. Bl. 1023.

⁵⁸ Ibid. Bl. 1046.

⁵⁹ См., напр., две докторские диссертации: Sezneva O. *Tenacious place, contingent homeland: Making history and community in the repopulated city of Kaliningrad*. N. Y.: New York University, 2005; Eaton N. M. *Exclave: Politics, ideology, and everyday life in Königsberg–Kaliningrad, 1928–1948*. Berkeley: University of California, 2013.

В политике памяти именно на примере Калининграда эта преемственность очевидна: введение цензуры, идеологически обусловленная смена топонимики, милитаризация дискурса о прошлом, навязывание мифа об исконности господствующего этноса на этой земле были характерны для обоих режимов. Постсоветская ситуация оказалась благоприятной для преодоления стереотипов авторитаризма в политике памяти и конструирования плюралистичной стратегии в работе с прошлым.

Отказ от советских паттернов в политике памяти после 1991 г. не привел автоматически к публичной реабилитации фигур памяти нацистского периода (хотя некоторое время казалось, что и такой исход возможен — например, в случае А. Мигель). Однако Арсеньев воспринимался как жертва советской репрессивной политики и в прямом, и в переносном смысле, поэтому в постсоветском Калининграде он получил шанс на официальное увековечение памяти.

В отличие от многих других персонажей калининградского ландшафта памяти, Арсеньев все еще имеет свою «мнемоническую армию». Ее воины не демобилизованы — есть те, кто сохраняет заинтересованность в публичной коммеморации земляка и соотечественника, поскольку видят в этой фигуре то удачного кандидата на русское место памяти, то символ православной культуры на этой земле, то знак признания заслуг русской академической традиции в контексте западноевропейского высшего образования. Однако монополизировать память о таком неоднозначном персонаже, пожалуй, невозможно. Связь Арсеньева с национал-социалистическим режимом, о которой сам он красноречиво молчал в послевоенные годы, не препятствует изучению его творческого наследия, но явно противоречит цели публичной коммеморации, если понимать ее как попытку утверждения ценности общественного согласия по поводу прошлого. Это согласие всегда будет хрупким и никогда не будет неоспоримым. Урок, который можно извлечь из «дела Арсеньева», тем не менее важен: он помогает осознать необходимость и более глубокого осмысления нюансированной картины национальной истории, и более ответственного отношения к коммеморативным практикам.